

Раздел III
ГЛАВЫ ИЗ КНИГИ Й. Шмайса
«ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ОНТОЛОГИЯ»

Part III. THE CHAPTERS FROM THE BOOK

УДК 1 + 81.0

Глава II. ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОСТЬ ЗЕМНОЙ ПРИРОДЫ*

Й. Шмайс (Брно, Чешская Республика)

Chapter II. EXCLUSIVENESS OF THE TERRESTRIAL NATURE

J. Šhmajs (Brno, Czech Republic)

Проблема природы, распространенная и важная для философии в античности и средневековье, в субъектно-объектном мышлении Нового времени уходит из метафизических размышлений. Кажется, что онтологически неопределенное понятие природы отслужило свое. Распространилось убеждение, что природа – это распространенная предметность, к которой человек не относится, потому что благодаря интеллекту и культуре он выше по сравнению с любой внечеловеческой действительностью. Стремительное развитие техники как бы и сегодня подтверждает, что характер природных явлений лучше, чем философия, постигают практические естественные науки, например *физика*.

Акцент Нового времени на точное познание, на опыт, на практику и эксперимент, однако, не означал стремительного падения авторитета метафизики (философии), он означал подъем престижа физики – доминирующей естественной науки Нового времени. Но основные категории физики – масса, энергия, движение, пространство, время и их закономерности, понятные и доступные и для философии, и обычного мышления, незаметно смещали не только теоретический, но и ценностный акцент. Вся природа практически сокращена до тел, размещенных в пространстве. Кажется, что она только распространена, вещественна и неизменна, что у нее нет ни субъективности, ни способности творить. В некоторых философских направлениях (особенно в так называемой философии жизни), в науках о живой природе, в художественной литературе и в обычных рас-

*Продолжение, начало см. “Философия образования”, 2011, 2(31).

Йозеф Шмайс – профессор, доктор философии кафедры экономики и предпринимательства факультета экономики и управления Университета им. Масарика. 602 00, Czech Republic, Brno, Lipova, 41a.
E-mail: smaajs@mail.muni.cz

суждениях несколько более содержательное понятие природы выживает, но все меньше и меньше интересует науки технической направленности и антропологически ориентированную философию.

Сегодняшний глобальный экологический кризис вызывает потребность создать *онтологический статус природы*, признать, что природа – величественная творящая субъективность, которая делает возможной и человеческую субъективность, развивающаяся система, у которой есть своя собственная деятельность, эволюционная логика, своя изобретательная противознтропическая направленность. Возникает потребность понять природу как полностью своеобразную, исторически упорядоченную и поэтому так эволюционно разветвленную, богатую формами, вдохновляющую и прекрасную. Так философия принимает вызов дефинировать природу как систему всех систем, как ценность всех ценностей, как единственный дом человека и человеческой культуры. Так как ее нельзя прямо связать с более старшим спекулятивно-философским содержанием античного, средневекового или романтического понимания природы, уже во второй раз возникает потребность изменить неопределенное понятие повседневной жизни на адекватную категорию, метафизическую и научную.

Но какое понимание природы сегодня, собственно говоря, преобладает? Обычно используемое понятие природы не только неопределенно, но и содержательно неверно. Суггестивная механистическая редукция природы деформировала понятие природы до предмета человеческих технологических интересов, до структуры с одним организационным уровнем (до вещей и их отношений) и запечатлела в нем несколько значений.

В деформированном понятии природы мы можем убедиться, обратившись к новейшим философским и научным словарям. Под заглавным словом «природа» обычно приводится несколько родственных значений, отличающихся друг от друга широтой или акцентом на другую область. Природа, например, ограничена определением: «вещи и явления, существующие вне человеческого сознания и независимо от него, результат природных форм движений массы, то что не было создано или изменено человеком, естественность, внутренняя сущность» (*Philosophisches Wörterbuch* 2. Leipzig 1974, S. 839). Понятие природы, которое в общем переступает через факт, что человек также является эволюционной составной частью экосистемы Земли, конечно же стало само собой разумеющимся и всеобщим настолько, что мы находим его в большинстве вузовских учебников и пособий по философии. И там природа, если о ней вообще идет речь, понимается как низшая форма движения массы, как простая географическая среда или ареал и материал для строительства культуры. Понятие природы тут растворяется и теряется в онтологически более важном понятии – в понятии массы (В. П. Тугаринов).

Этим мы не хотим сказать, что понятие природы как внешней объективной реальности по отношению к человеку, лишенной собственной творческой деятельности, не было когда-то правомочным. Мы не отрицаем, что своеобразная редукция действительности до идеальных величин – тел, частиц, газов, жидкостей и т.п. – стимулировала научное и техническое познание, являющееся одним из условий культурной эволюции. Мы только напоминаем, что понятийный аппарат ньютоновско-галилеевской

науки Нового времени – и до определенной меры понятийный аппарат философии Нового времени – был *подходящим для управления и эксплуатации природы, но ни в коем случае не для уважения, покорности и почтения по отношению к ней со стороны человека*. Поэтому сегодня нам необходимы новые понятийные средства и новые концептуальные рамки ее адекватного эволюционного понимания, *нам необходим новый онтологический концепт природы*.

Понятие природы, которое не считается с тем, что Вселенная – это сформированная эволюцией естественная система, объединяющая миллиарды галактик, а в одной из них находится и Земля, ее биосфера, человек и созданная им культура, что она является результатом гигантского процесса спонтанной самоорганизации, который на нашей планете самостоятельно дошел до высокого уровня развития жизни, до порога культуры, не соответствует знаниям сегодняшней науки, не соответствует действительности.

В фазе глобального кризиса цивилизации нам, однако, необходима не только общая философская оценка состояния здоровья экосистемы Земли, но и «космический» взгляд на роль человека и культуры в биосфере. Прагматическое сценическое понятие природы как предметной действительности уже не может помочь ни открытию причин экологического конфликта, ни нахождению пути к его решению. Поэтому в нынешнем неопределенном понятии природы полезно различать два содержательных слоя. С одной стороны, *природу вообще – космос*, а с другой стороны, *природу земную*. Такое разделение нас снова уполномочивает поставить старый античный и средневековый вопрос: каково положение Земли во вселенной? Ответ, который мы можем обозначить схематически, должен был бы содержать *две на первый взгляд противоречивые формы решения*: традиционное решение – физико-механическое и актуальное решение – эволюционно-онтологическое.

Первое, физико-механическое решение вопроса положения Земли во Вселенной общеизвестно, и его относительно легко понять. Обычно его считают вершиной научного познания, которым уже прославились классические естественные науки, преодолевающие античный и средневековый геоцентризм. Его общую характеристику, уточненную современной космологией, можно подытожить примерно так: Земля – это планета Солнца, т.е. звезды 2-го поколения, она не является ни неподвижным центром Солнечной системы, ни центром нашей галактики, ни космоса, она вообще не является пространственно-значимым пунктом Вселенной (такого пункта вообще не существует). Солнце является только незначительной частью космоса, который как целое, т.е. в большом масштабе, является однородным и изотропным (во всех направлениях одинаковым) и складывается не только из водорода и гелия, но и из незначительного множества других элементов периодической системы, которые находим на Земле, однако окружающий космос безжизненен, до сих пор исследованный космос – без жизни.

Второе, эволюционно-онтологическое решение, которое имеет экологическое и аксиологическое значение, как бы попирает уже указанную физико-механическую характеристику Земли и ее положение во Вселенной. Оно снова возвращает земной природе то, что было само собой разу-

меющимся для мифа, первой религии и средневековой философии: порядок, способность творить, священность, исключительность. Так что, так как Земля не является причиной существования Вселенной и целью ее дивергентной (расходящейся) эволюции, мы должны признать ее уникальность. *Исключительность, данная ни в коем случае не ее положением в пространстве, местом, которое она занимает во Вселенной, но чем-то, что философия и науки просмотрели: достигнутым уровнем естественного, а сегодня и культурного развития.*

У земной природы нет просто «истории в пространстве», как когда-то сформулировал великий теоретик развития Г. В. Ф. Гегель, но у нее есть настоящая необратимая история во времени. В качестве составной части Вселенной, в развитии которой мы также не сомневаемся, она особенна тем, что с ее пространственно незначительным положением было связана та самая угрожающе узкая череда условий, которые сделали возможным возникновение жизни и ее достаточно долгое, никогда полностью не прерываемое развитие.

Космология, термодинамика нелинейных систем, синергетика и другие синтетические природные науки показывают, что сегодняшняя Вселенная является результатом столкновения двух противоречивых процессов: с одной стороны она была создана гигантским гераклитовским током «активной массы» после термодинамического спада (по направлению к максимальной энтропии и тепловой смерти), а с другой стороны, была сформирована процессом спонтанной самоорганизации, направленным в обратном направлении. Начальные условия и время являются важнейшими факторами сегодняшнего вида Вселенной. Структура сегодняшней Вселенной возникала постепенно, с помощью какой-то особой «динамической кристаллизации» деятельности большого взрыва, деятельности горячей, концентрированной и первоначально неразделенной на материю и свечение/сияние/свет. Мы предполагаем, что она возникла в течение практически пятнадцати миллиардов лет, которые нас отделяют от сингулярности.

С развитием Вселенной связано и развитие Земли, и живой земной природы – биосферы. Однако неразрывно и непосредственно развитие планетарной экосистемы связано с существованием высокостабильного энергетического источника жизни, которым является термоядерный реактор – наше Солнце. Т.е. биосфера является продолжением естественного абиотического развития, теснее всего она связана с особыми условиями на Земле и временем, которое было необходимо для развития жизни от первых форм (прокариотических бактерий и сине-зеленых водорослей) до ее современного уровня развития – появления человека в начале четвертичной эры.

Собственно говоря, биосфера нашей планеты – это большая диссипативная структура (сложная открытая нелинейная система), питающаяся солнечной энергией. Она энтропизирует и конструкционно удачно дополняет земную абиотическую среду так, что Земля как целое представляет собой продуманно упорядоченный организм, для которого сегодня постепенно приживается термин Ловелока *Гайя/ Gaia* (Lovelock J. *The Ages of Gaia*. Oxford: Oxford University Press, 1990).

Земная жизнь однако находится почти в середине своей возможной возрастающей эволюции, но наша молодая техническая цивилизация, которая необратимым способом уничтожает естественную биотическую и абиотическую упорядоченность, сегодня, к сожалению, принимает совместное решение о ее дальнейшей эволюционной судьбе. Это абсурдно и высокомерно еще и потому, что период существования постоянно переделываемого оригинала биосферы насчитывает миллиарды лет, тогда как жизнь человека как биологического вида примерно в тысячу раз меньше (подобные нам виды живут только несколько миллионов лет). И мы все еще не знаем, в какой фазе жизненного пути нашего вида находится сегодняшняя культура.

Прекрасной, удивительно упорядоченной и тонко динамически выверенной системе жизни на Земле не стоит избыточно вредить минимум по двум главным причинам. Во-первых, потому что культура как создание и средство экспансии человека, т.е. одного биологического вида, не создавала природную структуру, она не понимает ее функции в эволюционном процессе биосферы, и поэтому не умеет ни заменить, ни починить, ни улучшить. Во-вторых, потому что культура экзистенциально зависит от биосферы, и именно посредством человека остается сегодня ее несамобитной подсистемой. *Только биосфера как целое, только Гаяя является, наверное, самой маленькой, относительно автономной системой, способной к долговременному возрастающему развитию во времени. Все ее подсистемы, индивидуумы, популяции, биоценозы и культура временны и несамостоятельны, зависимы от процветания биотического целого.*

Так как первоначальным энергетическим источником существования, репродукции и развития земных живых систем было до определенного времени солнечное тепло, их организационная и функциональная сложность нарастала постепенно, благодаря достаточно долгой экспозиции Земли солнечному свету. Она нарастала темпом, который, наверно, не мог быть выше в связи с тем, что он, с одной стороны, был связан с более-менее стабильной потребляемой мощностью солнечной энергией и высокой надежностью переноса генетической информации (мы знаем, что эволюция использует не только спонтанную перестройку генома, но также мутации, ненадежность информационного переноса), а с другой стороны, с достигнутой организационной структурой живых систем. Так же, как и в случае технического развития, биотический процесс развития ускоряется только в фазе достаточной организационной сложности (с этой точки зрения стремительное нарастание неоднородности/несоответствия и многообразия в кембрийском периоде как будто бы похоже на экспансию абиотической техники после промышленной революции).

Поэтому сегодняшние живые организмы являются важным свидетельством, «протокольной книгой» (А. Бергсон) развития всей биосферы. В качестве открытых систем с внутренней информацией они являются записью спонтанной конститутивной функции эволюционных условий и времени. Время и условия не только опредметились, но и информационно записаны в ее специфических структурах (также клетки тканей человека содержат часть распыленной генетической памяти биосферы). Поэтому эволюционная ценность живых организмов прямо пропорциональна

неповторимости условий развития и длине прошедшего времени. Эта невыразимая ценность тесно связана с тем, что они появлялись произвольно, в уже не существующих условиях, которые мы уже никогда, если уничтожим их, не создадим снова. С преувеличением, с точки зрения временных данных пока неточно, но зато метко выразил сущность проблемы К.Ф. Вайцеккер: «Живые существа могут появиться, если выполнены необходимые условия, и эти условия – это поверхность Земли и два миллиарда лет» (Weizsäcker, C. F. *Geschichte der Natur*. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1964, S. 90).

Задумаемся, не является ли этот единственный аргумент достаточно решительным доводом для смирения перед спонтанными эволюционными процессами Земли, для восхищения перед нашей все еще населенной планетой, единственного носителя жизни и культуры в изученной на данный момент Вселенной. Задумаемся, не является ли достаточно срочным призыв к ответственности человека за культуру, которая сегодня угрожает не только самой себе, но и многочисленным биологическим видам и общим условиям естественного возрастающего развития земного биотического сообщества.

Однако есть и другие для сегодняшней культуры, наверное, еще более сильные доводы защиты естественного разнообразия биосферы, все еще слишком инструментально и антропоцентрически ориентированные. Речь идет о малоизвестных *доводах конститутивно-культурных – информационных*.

Земная жизнь, как мы уже писали, является одним большим организмом, а мы являемся его функциональной и эволюционной составной частью, и состояние ее здоровья критично по нашей вине. Уничтожением большей части первоначальной экосистемы мы погубили и много уникальных биологических видов, которые несли часть генетической информации сегодняшней биосферы. Таким необратимым способом мы повредили не только живой организм планетарных размеров, но и структуру его памяти, единственный известный носитель конститутивной информации жизни. Мы повредили *уникальную естественную память природы*, ее «духовную культуру», которая возникла задолго до того, как нам удалось создать собственную духовную культуру – общественную. И так как генетическая информация составляет «невидимый духовный каркас» земной жизни (его имплицитный ряд), так как обеспечивает (поддерживает) достигнутый уровень развития, т.е. функционирует как незаменимый противозантропический барьер, опасность, которая угрожает нам в связи с этим, является во всей человеческой истории самой важной: к сожалению, мы ее пока не понимаем или отказываемся признавать.

Именно так мы пока игнорируем факт, что ослабленная биосфера была вынуждена сменить стратегию: если она не может защищаться силой, то будет защищаться слабостью. Чтобы повысить свою сопротивляемость по отношению к деструктивному воздействию природы (глобализированная потребительская цивилизация), она быстро переходит в новое, менее равновесное положение: она избавляется от своих сложнейших форм, в которых меньше всего нуждается, и именно они обычно самые хрупкие. С точки зрения удержания планетарной биосферы к таким «лишним» и

хрупким формам относится, к сожалению, и человек, от которого, как мы знаем, зависит культура.

Глобальный экологический кризис является планетарным экспериментальным доказательством, что *культура – в противовес традиционному представлению – не является структурой эволюционно высшей и организационно более сложной, чем природа*. Наоборот, как молодое творение человека она является структурой «эволюционно низшей», менее организованной, парциальной и потому более сильной и по отношению к биосфере деструктивной. Культура, как уже было сказано, не возникает благодаря естественному продолжению земной биотической эволюции как целого, не прирастает на всех ветвях эволюционного древа жизни. Она гипертрофированно разрастается только по одной филогенетической линии – по линии *Homo sapiens*. Как итоговый продукт человеческой адаптивной стратегии нападения, как противоположная система с собственной конститутивной информацией и с судьбой, зависимой от человека, каждая единичная культура ведет себя не только как «ликвидатор» естественных экосистем, но и как конкурент других культур. Региональные культуры также с самого начала действовали как системы, с помощью которых человек, неотделимая часть природы, как будто отбраковывался из природного порядка.

Культура не относится к естественному космическому порядку, но относится к порядку артификальному – искусственному. *В качестве небиотической структуры она не могла возникнуть с помощью опредмечивания естественной генетической информации*. В генетической памяти живых систем содержится информация только об естественной упорядоченности (биотической, абиотической, экосистемной). Для того, чтобы можно было открыть и удержать первые простые культуры, их элементы и подсистемы – небиологическое поведение, институты, технику, язык, мораль, ценности и т.п. – была необходима конститутивная информация иного типа. Должна была возникнуть негенетическая, понятийная информация другого типа, кодированная другим способом. Но откуда взялась негенетическая, онтически конститутивная культурная информация? Как и из чего человек ее создал? Конечно, ответ сложен (мы даем его, например, в работе Šmajš, J. *Drama evoluce*. Praha: Hynek, 2000), но нам следовало знать хотя бы то, что эта первоначально нейрональная семантическая информация, т.е. разные культурные формы из среды, полученной обычным и теоретическим познанием, в конце концов, происходит из природы. Одновременно нам следовало бы знать и то, что эта информация, прочитанная биологическим нейрональным аппаратом из биологических структур, все-таки дает нам возможность говорить о природе, познавать ее и пользоваться ею, но что она не полностью соответствует ее скрытой системной структуре и уже поэтому человеческая культура не может быть ни продолжением культуры, ни культивацией естественного.

Социокультурная информация, которая не содержится в геноме человека и не может быть в нем сохранена, возникала не в процессе естественного филогенеза (в биотической эволюции) нашего вида, но только в процессе социогенеза (в процессе культурной эволюции). Эта неизвестная для природы конститутивная информация постепенно прирастает в ходе

чередований человеческих поколений в культуре, в исключительном онтогенезе людей-индивидуумов. Она появляется при каком-то «третьем чтении» (в первом и втором чешском издании указано «втором чтении») или «культурным переводом» естественной (и культурной) упорядоченности человеческими чувствами и интеллектом. А так как *наш познавательный аппарат эволюция создавала не для открытия природы, а для выживания* (L. Kovacs), социокультурная информация возникает с помощью чтения и дальнейшей работы, которые с самого начала связаны с упрощением, деформацией и культурно-выгодной оценкой действительности с позиций прагматической успешности – с *позиций нашего видового эгоизма*.

Именно поэтому мы сегодня умеем и без науки использовать, упрощать и направлять к цели сложные природные системы, но ни в коем случае не можем их правильно понимать, структурно и функционально улучшать. Мы лучше поймем философскую сущность этой проблемы, если разделим *два разных способа естественной упорядоченности живой природы* (позднее такое разделение годится и для понимания двух разных форм культурной упорядоченности). Во-первых, необходимо признать старшую, *информационно точно определенную* (предписанную) и поэтому в совершенстве биологически застрахованную упорядоченность организмов. Во-вторых, мы не должны закрывать глаза на *упорядоченность* относительно молодую, более свободную, *информационно не предписанную* – *экосистемную, биосферическую*. Так как в качестве «всеядных приматов» с высокоразвитым социальным поведением – как «специалисты по неспециализированности» (J. S. Huxley) – мы были отобраны для потребления и использования широкого спектра упорядоченности другого типа, мы сами попали в эволюционный капкан. Мы зажгли культурную эволюцию на основе наших скромных знаний о макроскопической экосистемной упорядоченности Земли, т.е. в соответствии с проблематической семантической информацией.

При ежедневном столкновении с природными макроскопическими объектами нашим предкам сложные живые системы представлялись «черными ящиками», т.е. подобно тому, что для многих из нас сегодня представляют собой автомобили, автоматы для продажи, мобильные телефоны и компьютеры. Так появилась опасная иллюзия, которую позднее подкрепила наука Нового времени, что существует только один репрезентативный уровень упорядоченности мира и что все экосистемные и общественные изменения видимы и обратимы, подобно вырубленному лесу, который снова можно посадить.

Только проблема сложнее. Несмотря на то, что мы видим лишь поверхность макроскопических предметов, т.е. определенную часть второго типа естественной (а сегодня и культурной) упорядоченности, естественная эволюция тонко соединила оба типа упорядоченности: как бы первый тип упорядоченности она скрыла от более зрелых форм жизни. От определенного уровня вреда экосистемы (биосферы) настолько изменились условия существования для частных форм жизни, которые экосистеме (биосфере) создают, что их точно информационно предписанная видовая упорядоченность, настроенная на нормальные соотношения в био-

сфере, уже не может приспособиться. Эти формы или полностью исчезнут или переместятся в другое место. А если исчезнет слишком много живых форм в экосистеме (биосфере), может произойти *качественное изменение*: система исчезнет или скачком перейдет в новое равновесное положение, но без некоторых самых зрелых с точки зрения эволюции форм, которые обычно являются самыми хрупкими. И именно этой длинной обратной связью биосфера сегодня держит в клещах и культуру.

В реальности это сложнее, чем грубая смоделированная ситуация, но мы уже знаем, что мы экзистенциально находимся под угрозой еще и потому, что наши знания о природе поверхностны, онтологически неадекватны и не соответствуют ее динамическому системному характеру и многоуровневой структуре. Вкратце, наши примерные знания о природе, вероятно, сделают невозможной для нас агрессивную адаптацию. Поэтому с комплексностью и тонкими отношениями биосферы нам не стоит слишком заигрываться.

Из того факта, что наше сознание не производит в прямом смысле слова социокультурную информацию, а скорее из структуры экосистемной упорядоченности ее выводит, выплывает вопрос, какой организационный уровень высокодифференцированной природной среды был определяющим для характера социокультурной информации и вместе с тем для способа основания человеческой культуры. Сегодня мы уже достоверно знаем, это не мог быть уровень, на котором «конструировались» первые живые системы (одноклеточные прокариоты), естественная биотическая эволюция – *молекулярный уровень*. Это мог быть только организационный уровень хорошо видимых глазами макроскопических предметов. И уже где-то здесь, в редукции высококомплексных систем неживой и живой природы до понятий репрезентирующих предметов и их отношений, до нашего бедного по выразительности языка для среднего масштаба, для мезокосмоса, мы должны искать причины сегодняшнего онтического несоответствия природы и культуры. Уже здесь лежит самая глубокая *информационная причина позднейшего ущерба и подавления биосферы культурой, техносферой*.

Мы подходим к сущности проблемы. Удержание высокого уровня естественной упорядоченности, включая разнообразие сегодняшних форм живых систем, имеет не только биологическое значение: репродукционное и функциональное с точки зрения биосферы и экзистенциальное с точки зрения человека как вида. Он (уровень) имеет не менее принципиальное значение – конститутивно-культурное. Ведь содержание нашего знания, т.е. социокультурной информации, как мы обозначили, мы, собственно, не создаем, не производим, но «распознаем, читаем». Конрад Лоренц, естественно-научным знаниям которого мы можем доверять, в этой связи написал, что «научная правда является чем-то, что создал не человеческий мозг, но что он ухватил от внесубъективной действительности, которая его окружает» (Lorenz K. *Das Sogenannte Biöse*. Wien: G. Dr. Borotha-Schoeler, 1963, S. 311).

Социокультурную информацию, если мы снова выразимся упрощенно, мы получаем прежде всего при изучении структуры природы, при познании продуктов естественной эволюции. И мы уже знаем, что в живых

системах как бы выкристаллизовался весь необратимый процесс развития планеты. В них *определено и языком нуклеиновых кислот записано* фантастическое множество естественной информации. Эту редкую информацию, которая, конечно, принадлежит не нам, а биосфере, мы пока как следует не прочитали и не поняли. Мы только предполагаем, что генетическая информация живых систем, которая прирастала в ходе их эволюции и которая при уничтожении видов и естественных экосистем по нашей вине необратимо уничтожается, функционирует как *незаменимая интеграционная сила жизни, как особая «духовная культура биосферы»*.

Если мы пока опускаем факт, что без сохранения естественного разнообразия биосфера не сможет удержать свои сегодняшние самые развитые формы жизни (включая человека), признаем хотя бы ее фундаментальное перспективно-культурное значение: мы не должны уничтожать разнообразие биосферы, т.е. ее распыленную генетическую информацию, также потому, что только ее постоянно более точная реинтерпретация обогащает и уточняет нашу пока неадекватную социокультурную информацию. Но, к сожалению, вызванное культурой вымирание биологических видов сегодня уже «... в несколько тысяч раз быстрее, чем это было перед приходом человека» (Wilson E. O. *The Diversity of Life*. Cambridge: The Belknap Press of Harvard University Press, 1992, p. 346).

Поэтому каждый более крупный ущерб структуре «духовной культуры биосферы» вызывает не только непосредственные экзистенциальные последствия – возможное уничтожение его сегодняшнего уровня динамического равновесия и переход в новое положение равновесия. Для той части человечества, которая бы выжила, это будет означать и серьезные трудности – индивидуально-психологические и культурно-информационные. Именно поэтому в пятой главе мы независимо покажем также незаменимую роль природы при формировании здоровой человеческой личности.

Сейчас мы обратим еще внимание на проблематичность трех частных поверхностно-экологических аргументов. *Во-первых*, утверждение, что культура уже с самого начала должна производить уничтожение и девастацию природы. Справедливо сказать, что ни в коем случае. Благодаря особым обстоятельствам не только человек способен к агрессивной адаптивной стратегии. Для этой стратегии была – если можно так сказать – спонтанно «сконструирована» и земная природа. Для целенаправленного приспособления земной среды для себя человек получил не только специфическую физическую, но и психическую конституцию. Он получил врожденную способность к абстракции, с помощью которой мог упрощать и переделывать естественные экосистемы, мог использовать свойства сложных живых систем подобно тому, как сегодня использует свойства относительно простых неживых природных процессов и сил в абиотической технике. А так как естественные экосистемы имеют способность заменять свои испорченные или утраченные элементы, небольшая биологическая или культурная нагрузка не может угрожать их интегрированности и существованию.

Неослабленная биосфера, так же как и каждая очень сложная система, может справиться с определенным уровнем нагрузок без ущерба. Без адек-

ватной редукции и подавления первоначальных экосистем, без целенаправленной селекции, связанной с истреблением предков и конкурентов сегодняшних одомашненных животных и т.п., человечество бы не решило кризис экономики охоты и собирательства: оно не перешло бы от охоты и собирательства к земледелию. Без коллективного использования ископаемых топлив, минерального сырья и других необновляемых структур, наверно, не было бы промышленности. Не было бы сложной механической и автоматизированной техники, не было бы развитой науки и цивилизации. Угроза жизни на Земле возникает только вместе с возникновением абиотической потребительской культуры.

Во-вторых, нельзя поддерживать мысль, что, когда обманывают естественные гомеостатические системы биосферы, предмет этики и политики следует расширить до проблемы целенаправленного влияния и управления экосистемой Земли. Даже появляется формулировка, что природа без нас, людей, сама не может помочь себе. Это классическая антропоцентрическая иллюзия и глубокое предметное непонимание проблемы. Без человеческой помощи природа справится уже потому, что без нее существовала уже задолго до появления человека. То, с чем природа не может справиться, – это слишком быстрая экспансия нашей технической цивилизации. Глобализированная культура неустанно срезает мировой экономической интеграцией негативные обратные связи, обеспечивающие соответствие объема локальных культур мощности природной среды. Так постоянно откладывается принципиальное системное решение не в нашу пользу. Внимание: сегодняшнее экономическое процветание совершенно не означает нашу победу, возможно, это открытие нашего поражения. Системное превосходство над культурой остается постоянно на стороне природы. *Природе мы не только не должны помогать, но даже и не можем. Будет достаточно, если мы не будем ей напрасно вредить, когда снизим ее слишком высокую и структурно невыгодную загрузку.*

В-третьих, мы должны выступить против обманчиво сильного аргумента, что сама природа уничтожает свои собственные продукты, например биологические виды и естественные экосистемы (при наводнениях, ураганах, землетрясениях, переменах климата и т.п.). За этой аргументацией скрывается непонимание сегодняшней экологической ситуации. Естественное уничтожение является условием для естественного возникновения, оно является составной частью спонтанной перестройки эволюционного процесса так, чтобы он соответствовал более широким условиям абиотической и биотической среды Земли. Когда это вызывает культура, созданная людьми подсистема биосферы, которая экзистенциально зависит от природы, ситуация становится абсурдной и опасной для культуры жизни. (Режиссер Зденек Сверак в одном чешском фильме обратился к ситуации, когда новорожденный пытается уничтожить свою собственную мать.)

В заключение мы еще раз обратимся к проблеме социокультурной информации. Информационный коррелят каждой открытой нелинейной системы – природной или культурной, который необходим соответствующей системе для своего сохранения и эволюции, появляется только вместе с самой этой системой, только в процессе ее репродукции и развития.

Поэтому очевидно, что даже наши сегодняшние экологические знания не могли появиться ранее, в экологически стабильных и информационно не связанных региональных культурах. Также можно предполагать, что без содержательно и тонко дифференцированной материальной культуры, включая сегодняшнюю противоприродную техносферу, мы, наверное, не создали бы достаточно развитую и дифференцированную культуру духовную. Так бы не появился ни спектр идей для человеческого интеллектуального развития, ни условия для возникновения экологической философии, этики и политики.

Возможно, из наших рассуждений о природе логически вытекает, что открытие исключительности земной природы делает радикальной потребность нового философского образа мира, новой позиции – технической и практической. Эволюционно онтологический концепт природы прямо *вызывает вопрос, как можно высокий уровень философского обобщения использовать для защиты всех высших форм жизни, для защиты человека и его культуры*. Философия, которая всегда защищала только человека и его права, сейчас вынуждена признать, что она не знала, что эти права также ограничены природой, пока еще полностью «не прочтенной» и не понятой «конституцией Земли». Одной из ее статей, которую мы разгадали, является, вероятно, *принцип сохранения биологического разнообразия жизни*. И поэтому актуален вопрос, не должны ли сегодняшние правительства быть «... связаны экологическим подобием клятвы Гиппократата – сознательно не делать чего-либо, что угрожало бы биосфере» (Wilson E. O. *The Diversity of Life...*, p. 342).

Так что ни в коем случае не то, что мы создали и чем мы вместе с поколениями наших предков постоянно восхищаемся (искусственная и теоретическая производительность духа, человеческие знания и артефакты, технические и строительные конструкции и т.п.), а *только то, что мы не создали и не можем создать, то, от чего мы практически отреклись, сегодня мы открываем как самую высшую безусловную ценность*. Самую высшую ценность жизненную и теоретическую, абсолютную ценность. И в противовес традиции мы обнаруживаем, что этой ценностью не может быть нынешняя культура, а только Земля, исключительная земная природа, жизнь, биосфера.